

Обзоры

УДК-320.01:323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-172-177

РАЗДЕЛЯЯ НАРОДЫ, СОЕДИНЯЯ ГОСУДАРСТВО: КАК ВОЗМОЖНА ЭТНИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ?

Н. В. Борисова

Борисова Надежда Владимировна,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация.

Аннотация

Этнический федерализм в институциональном и процедурном отношении является сложным способом поддержания территориальной целостности страны и одновременно обеспечения политического представительства этнических групп. Именно так на этнический федерализм в своем исследовании «Этнические федерации: сравнительное исследование» смотрит известный российский политолог М. Х. Фарухшин (Этнические федерации: сравнительное исследование. М.: Директ-Медиа, 2023. 460 с.). Монография М. Х. Фарухшина посвящена обсуждению природы и признаков классической модели этнической федерации. Обращаясь к сравнительному анализу двенадцати стран – Бельгии, Боснии и Герцеговины, Индии, Испании, Канады, Малайзии, Непала, Нигерии, Пакистана, России, Швейцарии и Эфиопии, автор монографии эмпирически выделяет и концептуально обосновывает пять ключевых признаков современной этнической федерации: этнотерриториальный принцип выделения ее субъектов, наличие титульных групп и закрепленных за ними привилегий, регионализованная партийная система с сильными этнорегиональными партиями, механизмы политического представительства этнических групп и институционализированное право вето. Автор подчеркивает, что эффекты функционирования этнической федерации зависят от широкого институционального контекста: гарантий индивидуальных и коллективных прав, устойчивости конституционного дизайна и соотношения этнической и гражданской идентичностей.

Ключевые слова: этническая федерация; этнический федерализм; этнические группы; этническая идентичность; гражданская идентичность; модели этнической федерации; индивидуальные и коллективные права

Для цитирования: Борисова, Н.В. (2026) 'Разделяя народы, соединяя государство: как возможна этническая федерация?', *Вестник Пермского университета. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 172-177. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-172-177

DIVIDING PEOPLES, HOLDING THE STATE TOGETHER: HOW IS AN ETHNIC FEDERALISM POSSIBLE?

N. V. Borisova

Nadezhda V. Borisova,
Perm State University, Perm, Russian Federation.

Abstract

This article reviews M. Kh. Farukshin's monograph *Ethnic Federations: A Comparative Study* (Moscow: Direct-Media, 2023, 460 p.), which examines ethnic federalism as a complex mechanism for maintaining territorial integrity while ensuring political representation of ethnic groups. The monograph discusses the nature and defining features of the classical model of ethnic federation. Drawing on a comparative analysis of twelve

countries – Belgium, Bosnia and Herzegovina, India, Spain, Canada, Malaysia, Nepal, Nigeria, Pakistan, Russia, Switzerland, and Ethiopia – the author empirically identifies and conceptually substantiates five key characteristics of contemporary ethnic federations: the ethno-territorial principle of constituent unit formation; the existence of titular groups and constitutionally entrenched privileges; a regionalized party system with strong ethno-regional parties; mechanisms of political representation for ethnic groups; and institutionalized veto rights. The author emphasizes that the effects of ethnic federalism depend on a broader institutional context, including guarantees of individual and collective rights, the stability of constitutional design, and the relationship between ethnic and civic identities.

Keywords: ethnic federation; ethnic federalism; ethnic groups; ethnic identity; civic identity; models of ethnic federalism; and individual and group rights

For citation: Borisova, N. V. (2026) ‘Dividing peoples, holding the state together: how is an ethnic federalism possible?’, *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 172-177. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-172-177

Исследование сущностных характеристик этнического федерализма и институциональных эффектов этнической федерации, несмотря на длительную историю академического существования, представляется актуальным и в настоящее время. Вопрос об этническом федерализме как о политическом принципе находится в области пересечения и взаимовлияния таких основополагающих проблем современной политики, как государство, нация, идентичность, демократия и насилие. В свою очередь, этническая федерация в политико-институциональном отношении является ответом на вопрос о способах и механизмах существования единого государства в условиях, когда образующее его общество отличается глубокое культурное и этническое разнообразие. Иными словами, этнический федерализм является ответом на решение такой политической проблемы, которая включает несколько задач: сохранение территориальной целостности страны, обеспечение политического представительства этнических групп при условии сохранения самобытности их культуры, языка. И в этом смысле принцип этнического федерализма можно рассматривать как наиболее институционально оформленный ответ на эту политическую проблему, поскольку, в отличие от федерализма как такового, он предполагает, что этнические различия следует признавать и встраивать в структуру государства. И уже это нас приводит к мысли о том, что этнический федерализм в институциональном и процедурном отношении является сложным ответом, выбор которого не так уж и часто встречается в политической практике. Этот факт в своей монографии «Этнические федерации: сравнительное исследование» фиксирует известный российский политолог М. Х. Фарукшин (Фарукшин, 2025).

Исследование, предпринятое автором, масштабно: на основе обширного пласта литературы, посвященной федерациям и этническому федерализму, он ставит вопрос о сущностных признаках (отличительных чертах) этнического федерализма и дает ответ на него на основе сравнительного анализа современных этнических федераций. М. Х. Фарукшин последовательно и логически строго выстраивает свое исследование. В первой главе «Этнический федерализм: российский и зарубежный опыт» (Фарукшин, 2025: 25–85) он погружает читателя в дискурс об этническом федерализме в современной политической науке, показывает основные дискуссионные линии и разломы. Для него важным оказывается представить природу этнического федерализма в сравнении с (территориальным) федерализмом. Автор пишет, что «этнический федерализм в наибольшей степени соответствует этническому многообразию и этнически разделенному обществу» (Там же: 85).

М. Х. Фарукшин обращается к работам таких «гуру» этнофедерализма, как Л. Андерсон, У. Кимлика, Дж. Макгэрри, Б. О’Лири, Д. Горовиц, Г. Хейл (Kymlicka, 2005; McGarry, O’Leary, 1995, 2007, 2009; Horowitz, 1985; Hale, 2004) и др., и через их критическое прочтение показывает, что центральным является обсуждение вопроса о том, снижает ли такой центральный элемент этнического федерализма, как институционализация этничности, этнополитические конфликты или, наоборот, усиливает их. Нормативно автор встает на позиции тех сторонников этнического федерализма, которые считают, что в глубоко разделенных обществах этничность требует внимания и этнофедерализм создает институты и механизмы политического представительства этнических меньшинств, тем самым снижая риск сепаратизма. Вслед за У. Кимликой (Kymlicka, 2005), для которого признание групповых (этнических) различий есть условие стабильности государства, а также споря с Д. Горовицем (Horowitz, 1985), выступающим с тезисом о том, что этнофедерализм усиливает этничность и провоцирует этнополитические конфликты, автор показывает, что этнический федерализм является не столько способом

урегулирования последних через институционализацию этнотерриториальной автономии и политического представительства, сколько нацелен на преодоление вызовов этнически расколотого общества и обеспечение территориальной целостности государства (Фарукшин, 2025: 83).

Во второй главе «Этнические федерации: pro et contra» (Там же: 86–146) автор монографии продолжает экскурс в дебаты об этнофедерализме, фокусируясь на сопутствующих его институционализации проблемах: 1) политические вариации и эффекты этнической территориальной автономии; 2) институциональные и идентитарные причины сепаратизма в этнических федерациях; 3) проблемы асимметрии в институциональном устройстве этнической федерации; 4) соотношение этнической и гражданской идентичности. Обращаясь как к теоретической литературе, так и к историческим примерам функционирования этнических федераций, М. Х. Фарукшин выделяет важнейший конституирующий элемент этнической федерации – этническую территориальную автономию (ЭТА), понимание которой, как представляется, у него является нормативным, что, однако, ни в коем случае не снижает эвристического потенциала предлагаемого им подхода. Он рассматривает институт ЭТА в качестве инструмента достижения важных для этнической группы целей сохранения этнической идентичности в сочетании с общегражданской, а также поддержки языка и культуры. Кроме того, ЭТА позволяет решать задачи «обеспечения экономического прогресса региона» (Там же: 95). М. Х. Фарукшин рассматривает право этнической группы на территориальную автономию как производное от права на внутреннее самоопределение в границах государства. И институциональную возможность на удовлетворение этого, если угодно, примордиального права группы на внутреннее самоопределение он видит как пример мирного способа достижения автономии. Автор не останавливается на позитивных эффектах институционализации ЭТА. Напротив, он предлагает обсуждать и негативные ее последствия. Так, М. Х. Фарукшин не исключает «эффекта домино», когда предоставление автономии одной этногруппе может стимулировать артикуляцию подобных требований со стороны других. Расширение круга ЭТА повышает риск сепаратизма. Однако сразу же он делает оговорку о том, что этот риск возможный. И вот здесь, как нам кажется, мы снова оказываемся в поле дискуссии о конфликтогенном или «миротворческом» потенциале этнического федерализма, которая как нельзя актуальна для теоретической интерпретации функционирования этнической федерации в современном мире.

Кейсы Эфиопии, Бельгии, Боснии и Герцеговины, Индии, Испании, Малайзии, Непала, Нигерии, Пакистана, Швейцарии, России, Канады, относимые с разными оговорками в исследовательской литературе к случаям этнического федерализма, автор описывает в третьей главе «Общее и особенное в опыте этнических федераций». Именно на примере этнического федерализма в Эфиопии хорошо видна линия водораздела между сторонниками и противниками тезиса о его значении в урегулировании этнополитического конфликта и обеспечении территориальной целостности. Действительно, Конституция 1994 г. зафиксировала принцип этнического федерализма, установленный в 1991 г. Хартией переходного периода Эфиопии. Страна была разделена на регионы по этнолингвистическому принципу, а в национальную конституцию было внесено право на сецессию. Позитивный взгляд на этнофедерализм в Эфиопии позволяет зафиксировать следующие его эффекты: 1) система дала ранее маргинализированным этническим миноритарным группам политическое представительство; 2) было институционально признано языковое и культурное многообразие страны; 3) был деинституционализирован сохранявшийся долгое время амхарский национализм. С другой стороны, институционализация этнической федерации усилила конкуренцию этнических групп за властные ресурсы. Фактически этничность стала главным механизмом доступа к властным позициям и ресурсам, что стимулировало рост межэтнических конфликтов, которые далеко не всегда протекают ненасильственным образом¹.

Включение автором монографии Испании в набор случаев для сравнения (Фарукшин, 2025: 189–201) кажется интересным для обсуждения логики построения сравнительного анализа. Он сразу отмечает, что *de jure* Испания не является федерацией: «...современная Испания формально не является федерацией (понятие “федерализм” отсутствует в испанской конституции), в российской и зарубежной политической науке общепризнано, что фактически по своим важнейшим признакам Испания – это федеративное государство, и, по существу, отношения между центром и Каталонией, центром и Страной Басков, центром и другими автономными сообществами строятся на федеративных началах» (Там же: 189).

Действительно, Испанию нередко рассматривают в качестве *de facto* федерации или же относят к т. н. «федерализирующимся» или «федерированным» государствам (*federacy*). В случае этой страны

¹ База данных «Политико-территориальная гетерогенность, движения за самоопределение и институциональные реформы» (IR-SDM Dataset) [Электронный ресурс]. URL: https://identityworld.ru/maps_aera/database/IR-SDM_Dataset_codebook.pdf (дата обращения: 11.02.2026).

важно зафиксировать ее административно-территориальную сложноустроенность, которая является следствием унитарной формы и фактическим федерированным распределением власти между центром и регионами. В соответствии с Конституцией 1978 г. Испания является «единым и неделимым государством» (*Estado unitario*), ее суверенитет не делится между центром и образующими ее административно-территориальными единицами субнационального уровня. Более того, автономные сообщества в ее составе не обладают конституционно гарантированным статусом субъектов федерации, а центр (Мадрид) сохраняет принципиальное верховенство. Тогда для чего испанский случай включен в сравнительный анализ? И хотя М. Х. Фарукшин специальным образом не дает ответ на этот вопрос, можно предположить, что отбор его обусловлен целеполаганием и собственно дизайном сравнения. Автор посредством сравнения ставит цель выявить и охарактеризовать признаки, которые имманентно присущи настоящей этнической федерации (Там же: 142), а потому для него важным является подвергнуть анализу все случаи, которые в исследовательской литературе относят к ряду этнофедералистских. Такой подход позволяет отделить зерна от плевел: испанский кейс показывает, что институционализация для этнической группы территориальной автономии, равно как выделение субъекта федерации по этническому признаку, едва ли достаточные характеристики этнической федерации. Испания действительно, как показывает М. Х. Фарукшин, имеет некоторые элементы этнотерриториального устройства. Но испанские автономные регионы создавались не только по этническому, и по историческому и административному принципу. Еще более важно то, что испанское государство не фиксирует этничность как политическую категорию, не институционализирует политическое представительство групп по этническим квотам и, соответственно, не создает этническое гражданство.

Логика последовательного описания и сравнения двенадцати государств позволила автору выделить сущностные признаки этнической федерации и предложить модель классического этнофедерализма. Этому посвящена четвертая глава монографии – «Классическая модель этнической федерации». Настоящая этническая федерация, считает автор, должна соответствовать пяти признакам (Там же: 320–333). Во-первых, этнотерриториальный принцип организации / выделения субъектов как первого, так и второго субнационального уровней. Во-вторых, доминирующее положение в этническом энтитете одной или двух этнических (титulyных) групп, которые в населении всей страны могут быть и миноритарными. Эти группы конституционно обеспечены привилегиями, например, связанными с задачами защиты и поддержки этнического языка или культуры. В-третьих, регионализованная партийная система, важной компонентом которой являются этнорегиональные партии, выступающие проводниками интересов и политического представительства этнических групп. В-четвертых, институционализация механизмов представительства этнических групп в органах власти. Здесь особо нужно подчеркнуть важную идею, которую формулирует и концептуально обосновывает автор: политическое представительство этнической группы обеспечивает ее связь с политической властью, идентификацию с политической системой и тем самым – ее социальную интеграцию (Там же: 326–327). Не менее важным измерением политического представительства этнических групп являются институты и механизмы системы *power-sharing*, а именно такой ее элемент, как распределение власти (*shared rule*) между этническими группами. Пятый признак – т. н. «институционально признанное право вето этнических групп на предлагаемые властью или иными субъектами решения» (Там же: 336). Наличие права вето, считает автор, усиливает систему политического представительства, поскольку без согласия членов (представителей) группы решения не могут быть приняты: от изменения акта, конституирующего, например, статус ЭТА или привилегии этногруппы, до решения рутинных вопросов финансового порядка.

Пятая глава посвящена лингвистическому измерению этнических федераций. Автор последовательно анализирует роль языков, особенности языковой ситуации и практики управления ею в этнических федерациях, в том числе на примере организации и функционирования системы образования. Эти вопросы автор обсуждает, обращаясь к случаям указанных выше стран. Важно, что исследователь подчеркивает конфликтогенный потенциал языковых ситуаций и языковых политик, рассматривать которые следует, конечно, в связи друг с другом.

Выделенные автором пять признаков классической этнической федерации позволяют отнести к таковой только четыре страны из двенадцати, включенных в сравнение – Бельгию, Боснию и Герцеговину, Малайзию и Эфиопию. Примечательно, и автор делает на этом акцент, что Россия не является случаем этнической федерации, поскольку только один признак из пяти (энтотерриториальный принцип организации / выделения субъектов федерации) характерен для нашей страны. На основании этого М. Х. Фарукшин делает вывод о том, что едва ли этнический фактор угрожает территориальной целостности нашей страны: «...В нынешнем состоянии федерализма России решающую роль играет,

конечно, не этнический фактор, а, главным образом, социально-политические условия, в которых вынуждена функционировать федерация» (Там же: 338).

Вместе с тем автор не ставит вопрос об эффектах этнофедерализма: он концептуально не фокусируется специальным образом на его конфликтогенном или «миротворческом» потенциале. В заключении он подчеркивает, что при обсуждении сущностных признаков и функционирования этнической федерации вопросы о том, хороша или плоха она, едва ли важны. Но вопрос об эффектах этнофедерализма представляется важным, а потому хочется продолжить логику, предложенную автором: сам по себе этнический федерализм действительно не обеспечивает территориальную целостность, не решает этнотерриториальный конфликт, равно как не запускает сецессию. Конкретные эффекты этнического федерализма обусловлены более широким институциональным контекстом, включающим институционализированную сложную систему защиты и гарантии как индивидуальных прав вне зависимости от этнической принадлежности и коллективных прав этнических групп, ненарушение конкретной политико-правовой практикой закрепленного конституцией институционального дизайна, комплиментарность друг другу этнической и общегражданской идентичностей в идентификационной матрице общества.

Прочтение работы М. Х. Фарукшина наталкивает на мысль о том, что классическая модель этнической федерации позволяет видеть в ее институтах не столько отражение многоэтнического общества, сколько инструменты, активно его формирующие. И можно утверждать, что государство, реализуя этническую федералистскую политику (институционализацию ЭТА и политическое представительство этнических групп, практики этнического квотирования, языковую политику), становится сильным и даже доминантным субъектом производства категорий идентичности. И потому можно с уверенностью смотреть на этническую федерацию как на своего рода лабораторию, в которой изучаются практики конструирования государством социально-политической реальности, одним из измерений которой является этничность.

Список литературы / References

- Фарукшин, М. Х. (2025) *Этнические федерации: сравнительное исследование*. М.: Директ-Медиа. 460 с. [Farukshin, M. Kh. (2025) *Ethnic Federations: A Comparative Study*. Moscow: Direct-Media. 460 p. (In Russ.)].
- Horowitz, D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkely: California University Press. 697 p.
- Anderson, L. (2013) *Federal Solutions to Ethnic Problems*. Routledge. 336 p.
- Hale, H. E. (2004) 'Divided We Stand: Institutional Sources of Ethnofederal State Survival and Collapse', *World Politics*, 56 (2), pp. 165–193. DOI: 10.1353/wp.2004.0011.
- Kymlicka, W. (2005) 'Federalism, Nationalism, and Multiculturalism', in: *Theories of Federalism: A Reader*. N. Y.: Palgrave Macmillan. pp 269–292.
- McGarry, J., O'Leary, B. (2009) 'Must Pluri-national Federations Fail?', *Ethnopolitics*, 8(1), pp. 5–25. DOI: 10.1080/17449050902738838.
- McGarry, J., O'Leary, B. (1993) *The Politics of Ethnic Conflict Regulation*. Routledge. 321 p.
- McGarry, J., O'Leary, B. (2007) 'Federation and Managing Nations', in: Burgess M., Pinder J. (eds.) *Multinational Federations*. Abingdon: Routledge, pp. 180–211.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Борисова Надежда Владимировна, доктор политических наук, доцент, декан историко-политологического факультета,
E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: [0000-0002-4516-0820](https://orcid.org/0000-0002-4516-0820). ResearcherID: G-8490-2018).

Information about author

Nadezhda V. Borisova, Dr. of Sciences (in Politics), Associate Professor, Dean of the Faculty for History and Political Science,
Email: borisova_nv@psu.ru (ORCHID: [0000-0002-4516-0820](https://orcid.org/0000-0002-4516-0820). ResearcherID: G-8490-2018).